

ВАЛЕРИЙ ТОДОРОВСКИЙ:

Что внутри – то и будет, а не то – что вокруг

МОЛОДЫЕ

Тридцатипятилетний режиссер Валерий Тодоровский снял свою четвертую картину "Страна глухих". Она представляла российский кино на 48-м кинофестивале в Берлине. Ранние фильмы режиссера – "Катафалк", "Любовь", "Погрессия вечера" – отмечены международными и отечественными призами.

Валерий, в четвертой своей картине "Страна глухих" вы исследуете, как идеальное существует в нашей жесткой реальности. Вы словно проводите свою Риту через круги ада, а она вопреки всему остается целой и невредимой. Верите в силу нравственной природы, заложенной в каждом из нас?

– Конечно, верю. Я хотел сделать достаточно светлый фильм про сегодняшнюю жизнь. Это звучит несколько парадоксально: как только мы говорим о нашем времени, возникает некое мрачное ассоциация и безнадёжные, часто депрессивные ощущения. И вопреки тому, что светлые картины никак не должны были строиться на неправде, на облагораживании этой жизни. Вторая наша героиня – глухая Яя – говорит Рите: "Не ходи никогда по городу одна. Страшно, страшно". Рита же ходит, но грязь к ней не пристаёт. Почему? Да потому, что в нас изначально заложено, я думаю, все. Что внутри – то и будет, а не то – что вокруг.

Почему вы повестили своих героев – как в своеобразную нишу – в комфортабельную мастерскую скульптур?

– Мы понимали, что третья картина будет проходить там, где герои захотят спрятаться от всего мира. Нам хотелось создать в этом чудном для девушек городе островок уютной и немного странной жизни. Кто-то из мудрецов заметил, что глухие пальцами рисуют скульптуры в воздухе. Эта мысль и помогла нам в выборе интерьера. Поскольку вся история связана с сильными толпами, мы надели мастерскую фигурами огромных мужчин – аниме-мощных.

– И в последнем фильме – снова две девушки. Что же с ними произошло за десять лет?

– Сегодня они стали свободнее. Если в "Катафалке" была история отторженности от мира, невозможности с ним сойтись, то в "Стране глухих" – история абсолютного воссоединения с миром, несмотря ни на что.

В фильме герои бегут по набережной Москвы-реки. Их двое.

– Это и есть обретенная ими страна.

– Очень. Я заговорил о вещах, которые, мне кажется, волнуют усталими героями – о том, что такое Любовь и что такое Деньги, что куда перетекает и что на что влияет. Когда закончил картину, у меня появилось, как ни странно, редкое состояние легкости и покоя. Притом, что обычно, поверьте мне, в тот момент, когда режиссер заканчивает картину, возникает состояние тревоги, суеты,

они все равно делают так, как чувствуют. Стараясь давать им максимальную свободу, обсуждая заранее подробно все детали. Хороший актер, однажды внутренне почувствовав роль, не будет сбиваться на фальшь или неправду. Главное – правильно выбрать исполнителей.

– Вы работали с такими большими актрисами, как Вия Артмена, Алиса Фрейндлих, Наталья Вилькина. Какой след они оставили в вашей жизни?

– Не знаю, каким бы я стал режиссером, если бы в своей первой картине "Катафалк" не поработал с Вией Артмане. Это личность колоссального масштаба, и то, как она обращалась со мной, еще начинающим мальчиком, придавало мне силы. Благодаря ей обрел почву под ногами. Поскольку я учился на сценарном факультете ВГИКа, а не на ре-

В. Тодоровский на съемках фильма

неуверенности и шаткости почны под ногами. Мне хорошо, причем впервые в жизни. А главное – выказалось на темы, достаточно мучительные для меня.

– Каким именно?

– Что сегодня важно: благополучие и устройство в этой жизни или ощущение ее осмысленности и понимание внятной нормальности человеческой цели? Каждый день я сам для себя рождаю решать, как мне жить, начиная с вопроса: куда сегодня пойти, с кем встретиться. Быть искренним или закрывать от всех?

– Даете ли вы возможность актерам творить вместе с вами?

– Я давно понял, что играют актеры, а не я. Что бы я ни навязывал,

они все равно сделают так, как чувствуют. Стараясь давать им максимальную свободу, обсуждая заранее подробно все детали. Хороший актер, однажды внутренне почувствовав роль, не будет сбиваться на фальшь или неправду. Главное – правильно выбрать исполнителей.

– Вы работали с такими большими актрисами, как Вия Артмена, Алиса Фрейндлих, Наталья Вилькина. Какой след они оставили в вашей жизни?

– Не знаю, каким бы я стал режиссером, если бы в своей первой картине "Катафалк" не поработал с Вией Артмане. Это личность колоссального масштаба, и то, как она обращалась со мной, еще начинающим мальчиком, придавало мне силы. Благодаря ей обрел почву под ногами. Поскольку я учился на сценарном факультете ВГИКа, а не на ре-

стигает того, что хочет. Так я учился у отца.

– Мне кажется, с Петром Ефимовичем вас объединяет и то, что одним крылом вы – на небе, а другим – на земле. Стистика ваших фильмов разная, но романтизм – как родовой знак.

– Спасибо. Мне очень приятно это слышать.

– У вас, очевидно, нет проблемы "отцов и детей"?

– Наверное, нет... Удивительно, но у меня сейчас происходит переосмысление того, что делали наши лучшие режиссеры в шестидесятые и семидесятые годы. Я преклоняюсь перед ними. Тарковский, Хухляев, Пассадис, Герман, Шукшин, Кира Муратова создали поразительные по мастерству и божественному откровению картины. Это был большой мировой кинематограф. Наверное, как он возник, как выжил.

– Вы так естественны, что, кажется, и во всем – счастливый человек.

– Проблем всегда много. Но сам не ищу сложностей. "Страна глухих" тоже мучительно рождалась – полтора года, хотя и была снята за 46 сьемочных дней. И если от нее не исходит ощущение трагичности, я очень рад.

– Однако Рената Литвинова, по мотивам повести которой написан сценарий, вероятно, гордо сложиле воспринимает мир?

– Разумеется. Для меня же мир совсем неприемлем, я не купаюсь в нем, его не понимаю. Но нашел бриллиант, который запрятан в ее повести "Обладать и принадлежать", пригласил Юрия Короткова, с ним мы и написали сценарий "Страны глухих".

– Что же это за бриллиантчик?

– Рената рассказывает историю двух девочек, одна из которых – глухая. Я взял ее двух героинь и придумал другую историю.

– Вы в ладу с собой?

– Да нет, конечно. Вообще, мне кажется, проблема взаимоотношений с миром решается А вот проблема отношений с самим собой почти нет. Почти. А если однажды человек полностью решил, то дальше, возможно, с ним будет и неинтересно общаться.

Думаю, эта проблема "самого с собой" и есть то, что делает людей глубокими и притягательными. Конфликт внутри нас – тот двигатель, который толкает его не совершать и куда-то двигаться.

Беседу вел
Лидия НОВИКОВА

Я ВИДЕ

МИРОВОЙ ЭКРАН

Месяц назад в Нью-Йорке мольствие представлять кинематографическую профессию, на то, что, либо начинаю весело играть на кассете, приобретенной в Соединенных Штатах при со-собеседников появлялось ней. Но сразу же за почтением сл- "Вы видели "Титаник"? "А ко-ская премьера состоится в ф-рустнели. Им хотелось услы-ние о главном фильме года.

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

И вот уже прошла премьера. Теперь на вопрос, заданный в Америке, отвечаю соотечественникам: "Я видел "Титаник".

Он меня взволновал. Это далеко не первый "Титаник" в истории мирового кино. Даже не второй и не третий. Но, пожалуй, версия Кэмерона – самая осмысленная.

За два года до окончания двадцатого века реконструируется грандиознейшая катастрофа, случившаяся в ее начале. Реконструируется детально, подробно, с использованием новейших кинематографических технологий.

Эффект присутствия тотален. Мы – не в зрительном зале кинотеатра "Кодак-Киномир". Мы – там, посреди Атлантики, на шатком проломном корабле, про который известно, что никогда, ни при каких условиях он не может затонуть. Когда же он все-таки тонет – медленно, кошмарно, неслыханно, – мы, в начале девятнадцатого века, не понимаем даже, а чувствуем, что гибель полтора тысяч людей в 1912-м была злым предзнаменованием, символом наступившего столетия. Массовое уничтожение человеческих существ при помощи современных технических достижений – это ли не XX век с его большими и малыми войнами, концентрационными лагерями и слепой верой в прогресс?

Мне показались, что инженеры "Кодака" сжалились и на просмотре не включили полностью уникальную звукозаписывающую аппаратуру. Слыхали мы

СПЕКТР МНЕНИИ

Ольга МАРШЕВА

“Американка”

“Американка” Дмитрия Месхиева была заявлена как фильм для себя и про себя, то есть искусство личное, выражаемое модным языком, интерактивное. Чтобы зритель, сидящий в зале, ощутил себя одним из действующих лиц развивающегося на экране действия. И, казалось, для этого были созданы все условия.

Сценарий Юрия Короткова “Американка” читается возмуж, легко и с восторгом. Он изобилует “вкусным” жаргонизмом, подробными деталями быта начала семидесятых кра-отичностью описаний. Словно персонажи на бумагу совершенно чудесно телепорт-дана “Старая квартира”, где сюжет, он же ведущий, он же – одно из действующих лиц. Он заставляет зрителей воспоминать этот

“Американка”

Культура. – 1998. – 26 февр. – с. 11

Режиссер Дмитрий Месхиев

Плюс “малобюджетная” тусовка (Ливане, В.Тодоровский, Сельнов и т.д.), сам дух которой заставляет рваться вперед, постоянно утверждать себя. Ведь это наша “новая волна”, на нее с надеждой обращены взоры молодежи, именно она должна вывести наш кинематограф на новые рубежи.

А рядом иней братья – Т.Косая, С.Михалков, Ф.Бондарчук – климатические. Ведь и от них нельзя отстать. А они, несмотря на всю попо-лость, своими работами силь-ный отпечаток

х, шантрапа, убогая, дурная, веселая, нормальная жизнь. Люди живут, как Бог на душу положит, – никто их не тащит в КГБ, не заставляет читать стихи о советском паспорте или лить за границу (С. “Русский рептиль”). А они все равно живут в Истории. Красной чертой в фильме проходит тема становления, взросления подростков, выра-жения в катастрофической их неадекватности в вопросах секса. Здоровые люди – казались бы, пора бы уже начинать по бабам бе-гать, а они не знают как, мучаются, потеют, переживают. И хотя бы кто просветил, а не нас всюкую туфту про строителей социализ-